ПОСЛУХЪ.
(Преданіе.)

- Куда ты меня завезъ, проклятый! кричалъ баринъ изъ коляски на ямщика, который, сидя на козлахъ, съ видимымъ безпокойствомъ оглядывался во всѣ стороны, покрикивая и понукая лошадей, явнымъ образомъ только для своего ободренія.

- Ничего, вотъ, дастъ Богъ, выберемся, говорилъ онъ.

А тамъ опять ворчалъ про себя довольно внятно:

- Ахъ ты Господи! что ты будешь дѣлать! Вотъ наказаніе за грѣхи наши! лошадей зарѣжемъ совсѣмъ.

Ночь была темная. Небо заволокло тучами. Осенній, довольно рѣзкій, боковой вѣтеръ тянулся по равнинѣ, и ободья колесъ окатились густою, липкою грязью, шириною въ поларшина. Лошади тянули въ упоръ ступою и пофыркивали: «ну, будь

здоровъ!» отзывался повременамъ ямщикъ, прибавляя къ этому обычному пожеланію иногда другое: «чтобъ те лопнуть», и, привставая на козлахъ, опять оглядывался кругомъ. Наконецъ онъ молча слѣзъ, а потомъ, ворча и проклиная неизвѣстно что и кого, пошелъ, нагнувшись, бродить по сторонамъ, покапывая передъ собою кнутовищемъ и отъискивая потерянную дорогу, какъ булавочку. Баринъ согналъ, въ помощь ему, соннаго слугу, сидѣвшаго копной на запяткахъ, а потомъ съ отчаянною рѣшимостью завернулся въ шубу и прилегъ въ самый задъ коляски.

Черезъ нѣсколько времени голоса въ сторонѣ коляски сдѣлались слышнѣе. Слуга бранился, а ямщикъ сталъ веселѣе и разговорчивѣе, даже смѣялся и много поумнѣлъ заднимъ умомъ. Они нашли какую-то дорогу, и догадливый ямщикъ разсказывалъ рѣшительно, подробно и краснорѣчиво, гдѣ, какъ и когда имъ слѣдовало бы своротить и придержаться правой руки, а поднявшись на гору, не вѣрить глазамъ, потому что глазъ обманетъ,

особенно, когда не видитъ ни зги, а вѣрить надо лошадямъ, которыя никогда не обманутъ, и прочее. Къ кому относились всѣ наставленія и нравоученія эти, неизвѣстно. Никто не мѣшалъ ямщику слѣдовать имъ въ свое время, потому что и баринъ спалъ и слуга спалъ, и никто изъ нихъ въ распоряженія его не мѣшались; но, вѣроятно, и самъ онъ также спалъ, да и надежныя лошади его задремали и протащили коляску Богъ вѣсть куда, въ сторону.

Какъ бы то ни было, дорогу нашли, выбрались на нее по пнямъ и кочкамъ, и ямщикъ сталъ покрикивать на лошадей повеселѣе. Вскорѣ увидѣли свѣтъ, пріѣхали къ жилому мѣсту. Баринъ все молчалъ, отдавшися на волю судьбы и ямщика; а этотъ, не говоря ни слова или, по крайней мѣрѣ, разговаривая только самъ съ собою и съ лошадьми, слѣзъ съ козелъ, постучался въ первыя ворота, которыя ему попались, поговорилъ съ бабой, пришедшею отпирать ихъ, и въѣхалъ на дворъ. Тогда только баринъ спросилъ:

- Да куда же ты меня привезъ?

- Да куда привезъ! отвѣчалъ тотъ: - куда Богъ велѣлъ: въ деревню привезъ! Слава Богу что добрались. На распутьи не ночевать стать въ экую непогодь. Покормимъ, да и ободняетъ, такъ дастъ Богъ по добру, по здорову выберемся.

Это была не деревня, а цѣлое село, или, лучше сказать, нѣсколько деревень, собранныхъ въ кучку. Дворовъ сто, съ видною усадьбой и ухожами, составляли вотчину богатаго барина, котораго несмѣтная дворня съ музыкантами и псарями объѣдала пуще всякой саранчи, такъ что нѣчемъ уплачивать было процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ. Все остальное, по десяткамъ, по пяткамъ и даже по парамъ избушекъ раздроблено было владѣльцевъ на пятьнадцать. Ямщикъ привезъ нашего путника къ одной изъ такихъ владѣтельныхъ особъ, вдовѣ, старушкѣ, которая сама жила въ крестьянской избѣ и не отказала проѣзжему въ пристанищѣ.

Баринъ вышелъ, весьма недовольный похожденіями своими, изъ коляски; но когда онъ вошелъ въ избу, гдѣ уже освѣтились окна, то имъ овладѣло чувство холи и уютности, которое всегда утѣшаетъ путника, при переходѣ изъ-подъ ненастной, темной ночи въ теплую и опрятную свѣтелку. Хозяйка была радушна и привѣтлива, не докучая, впрочемъ, своею привѣтливостью; чай былъ поданъ безъ суетни и бѣготни, довольно скоро; самоваръ не дымился, не чадилъ, стоялъ на всѣхъ четырехъ ножкахъ; у чайника не былъ отшибенъ ни носокъ, ни ручка; а снурокъ, которымъ крышечка держалась за ручку эту, былъ довольно опрятенъ. При видимой бѣдности, весь передній уголъ, сверху донизу, былъ уставленъ иконами, въ огромномъ кивотѣ, на уступѣ котораго лежало нѣсколько священныхъ книгъ съ застежками; на окнѣ было нѣсколько мѣдныхъ копѣекъ, предназначенныхъ для подаянія и оставшихся отъ прошедшаго дня. Съ женщиной, которая прислуживала, старушка говорила въ полголоса, тихо и

кротко. Оглянувшись кругомъ, путникъ замѣтилъ, что изба была чрезвычайно ветха. Онъ заговорилъ объ этомъ съ хозяйкой, которая сказала ему, что изба срублена еще дѣдомъ ея, что она не въ состоянiи поставить новую, а надѣется дожить въ ней до конца своего вѣка, котораго, по ея мнѣнiю, осталось же не Богъ знаетъ сколько.

Прiѣзжему постлали постель въ переднемъ углу. Онъ улегся и вскорѣ уснулъ, между тѣмъ, какъ хозяйка легла за перегородкой. Лампадка передъ иконами теплилась, свѣчи были погашены. Усталому путнику приснился какой-то крестный ходъ, церковное пѣнiе и большое стеченiе народа; но всѣ люди одѣты были не такъ, какъ ходятъ живые, а будто въ саванахъ. Одно только священство съ причтомъ облачено было въ праздничныя ризы. Онъ проснулся отъ капли святой воды, брызнувшей ему въ лицо, при окропленiи народа, и, къ удивленiю своему, увидѣлъ наяву продолженiе этого сна. Въ свѣтелку, въ которой стѣны и перегородка какъ будто

были отнесены и терялись въ отдаленіи - по крайней мѣрѣ, онъ не могъ ихъ ясно отличить - вошелъ старый, сѣдой священникъ, со святыми дарами, а за нимъ весь причтъ. Послѣ молебна, впродолженіе котораго старушка спала спокойно, священникъ исповѣдывалъ и пріобщилъ ее св. тайнъ, а затѣмъ окончилъ служеніе. Толпа народу въ саванахъ, малые и великіе, дѣти и старики, женщины и мужчины, всѣ прикладывались, послѣ креста, къ рукѣ старушки, которая во все время не просыпалась, и наконецъ все исчезло.

Долго лежалъ проѣзжій въ какомъ-то недоумѣніи, стараясь притти въ себя и объяснить себѣ все, что видѣлъ; но онъ не могъ отдать себѣ въ этомъ никакого отчета. Все было тихо и спокойно, стѣны избы и перегородка на своихъ мѣстахъ; лампадка теплилась, едва только бросая тусклый свѣтъ, а, между тѣмъ, онъ видѣлъ то, что сейчасъ происходило, не во снѣ, а наяву. Наконецъ онъ успокоился тѣмъ, что явленіе это во всякомъ случаѣ не могло быть дурнымъ знаменіемъ, а, напротивъ,

развѣ только хорошимъ. Усталость взяла верхъ, и онъ, хотя и очень поздно, заснулъ опять крѣпкимъ сномъ.

Утромъ проснулся онъ, и то будто съ какимъ-то усиліемъ, отъ призыва по имени и отчеству. Передъ нимъ стоялъ слуга, подпоясанный и съ шапкою въ рукахъ, стоялъ и докладывалъ, что уже очень поздно, что проспали лучшее время для выѣзда и что ямщикъ съ нетерпѣнія ворчитъ. Баринъ вскочилъ, опомнился, и видѣніе напередъ всего пришло ему на память. Онъ оглянулся: чайный приборъ былъ въ порядкѣ поставленъ на столѣ, и женщина вносила закипавшій самоваръ. Хозяйка, опрятно одѣтая, со спокойнымъ лицомъ, вышла изъ-за перегородки, поздоровалась съ гостемъ, спросила, какъ онъ почивалъ, и принялась заваривать чай. Проѣзжій все еще не могъ опомниться, всталъ, умылся, присѣлъ къ чаю, поглядывалъ на хозяйку и не доискивался словъ, ни для вопроса, ни для отвѣта. Она, повидимому, ничего не знала о томъ, что ночью съ нею сталось, а онъ не зналъ, какъ

это понять и что обо всемъ этомъ подумать. Напились чаю, слуга вытаскалъ вещи барина, разсчитались съ хозяйкой, которая была до того умѣренна въ своихъ требованіяхъ, что никакъ не хотѣла принять плату за что либо, кромѣ овса и сѣна: «хлѣбъ-соль отплатное, взаимное дѣло, говорила она: - за хлѣбъ-соль расплачиваться грѣхъ». Наконецъ, по крайнему настоянію проѣзжаго, она согласилась, чтобы онъ положилъ деньги самъ на окно, гдѣ лежало уже нѣсколько мелочи, сказавъ, что, въ такомъ случаѣ, онѣ пойдутъ на раздачу нищимъ.

Баринъ сѣлъ въ коляску, въ раздумьи о ночномъ приключеніи; слуга обошелъ ее еще разъ кругомъ, осмотрѣлъ гайки и винты, поковырялъ пальцемъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ, какъ ему уже давно извѣстно было, недоставало гайки, и, поковырявъ, заглянулъ туда, будто хотѣлъ удостовѣриться, не выросла ли она, можетъ быть, за ночь; потомъ онъ усѣлся на запяткахъ, сказавъ громко: «съ Богомъ!» и ямщикъ тронулъ лошадей. Хозяйка,

проводивъ своего гостя на крыльцо, воротилась въ избу.

Въ эту минуту, когда коляска, едва только выѣхавъ изъ воротъ, поворотила направо и поровнялась съ самой избой старушки, раздался глухой гулъ и трескъ и вся избушка рухнула и исчезла въ облакѣ пыли. Первая мысль проѣзжаго была, что передъ нимъ пожаръ; но вслѣдъ затѣмъ онъ опомнился, закричалъ: «стой!» и, выскочивъ изъ коляски, которую испуганныя лошади промчали саженъ сто дальше, воротился пѣшкомъ на мѣсто происшествія. Изба, въ которой онъ ночевалъ, обрушилась. Срубъ еще стоялъ отчасти, но вся кровля со стропилами, съ потолкомъ, или накатомъ и переводинами провалилась внутрь. Участіе и любопытство заставили проѣзжаго выждать конца: народъ сбѣжался, помѣщики и помѣщицы изо всего села сошлись, и вскорѣ разобрали избу и вынесли изъ нея два трупа: хозяйку и прислужницу ея. Болѣе тамъ никого не было.

Всѣ толковали, иные изумлялись, другіе утверждали, что они давно пророчили сосѣдкѣ такой несчастный конецъ, потому что верхніе вѣнцы избы и концы переводинъ сгнили и свѣтились по ночамъ мышинымъ огонькомъ. Вскорѣ подошли къ толпѣ и два священника этого села. Народъ вообще очень жалѣлъ о старухѣ, крестился и сулилъ ей царство небесное, называя матерью калѣкъ и нищихъ, богобоязненною и христолюбивою.

- Все такъ, сказалъ одинъ изъ священниковъ: - а смерть не хороша: отдала Богу душу безъ покаянія. Ее отпѣвать и хоронить на святомъ мѣстѣ нельзя.

Въ числѣ окружающихъ нашлись люди, которые, во уваженіе доброй памяти старухи, заступились за прахъ ея и стали упрашивать священниковъ, чтобы ее честно похоронить, какъ женщину, которую всѣ поминали однимъ только добромъ; но священникъ отказывался, и собратъ его съ нимъ соглашался.

Тогда проѣзжій вдругъ вспомнилъ, чему онъ въ ночи былъ свидѣтелемъ. Подумавъ немного, онъ обратился напередъ къ стоящимъ тутъ помѣщицамъ и разсказалъ имъ свое ночное похожденіе. Всѣ слушали его съ величайшимъ любопытствомъ и изумленіемъ, крестились и молились; подойдя къ обоимъ священникамъ, они просили ихъ выслушать показаніе проѣзжаго, который повторилъ гласно тоже, разсказавъ все, что видѣлъ, во всей подробности, присовокупивъ, что готовъ сейчасъ же присягнуть въ истинѣ своихъ словъ.

- Какой же это былъ священникъ? не изъ насъ ли кто нибудь? спросилъ одинъ священникъ.

- Нѣтъ, отвѣчалъ проѣзжій: - это былъ низенькій старичокъ, худощавый, въ бѣлыхъ, кудреватыхъ волосахъ и съ узенькой бородой, почти по поясъ.

Всѣ съ изумленіемъ взглянули другъ на друга, а нѣкоторые отъ благоговѣйнаго страха отступили шагъ назадъ: всѣ узнали

въ этомъ описаніи умершаго, года за два, сельскаго священника.

Подумавъ немного и посовѣтовавшись между собою, священники рѣшили, что, стало быть, старушка умерла не безъ покаянія и исполнивъ всѣ христіанскія обязанности, и поэтому она была отпѣта и похоронена, при большомъ стеченіи народа, какъ добрая и вѣрная христіанка.